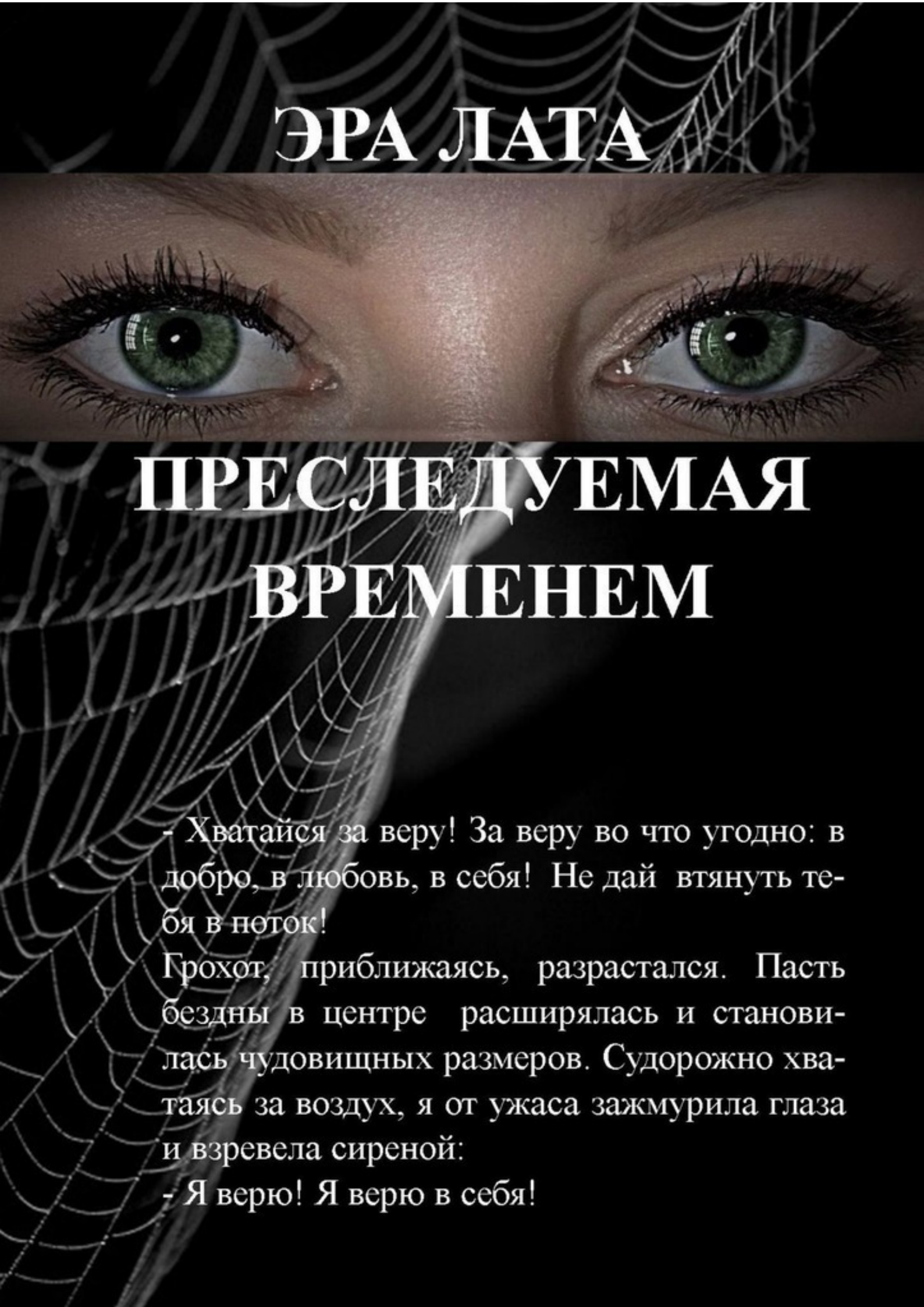

A close-up photograph of a person's face, focusing on their green eyes. The person has dark, thick eyelashes. Spider webs are visible in the background, some in the foreground and some behind the person's face, creating a sense of being trapped or hunted. The lighting is soft, highlighting the texture of the skin and the intricate patterns of the webs.

ЭРА ЛАТА

ПРЕСЛЕДУЕМАЯ ВРЕМЕНЕМ

- Хватайся за веру! За веру во что угодно: в добро, в любовь, в себя! Не дай втянуть тебя в поток!

Грохот, приближаясь, разрастался. Пасть бездны в центре расширялась и становилась чудовищных размеров. Судорожно хватаясь за воздух, я от ужаса зажмурила глаза и взревела сиреной:

- Я верю! Я верю в себя!

Эра Лата

Преследуемая временем

«Издательские решения»

Лата Э.

Преследуемая временем / Э. Лата — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-501723-9

«За панорамным окном гостиной властвовала поздняя весна. Воцарившуюся в комнате густую тишину разрезало тиканье настенных часов... В мире за окном, среди распускающихся листьев на деревьях и легкого дуновения ветра не было той женщины, живущей вне времени и преследуемой им. Она сидела здесь».

ISBN 978-5-00-501723-9

© Лата Э.

© Издательские решения

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	16
Глава 3	24
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Преследуемая временем

Эра Лата

© Эра Лата, 2019

ISBN 978-5-0050-1723-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1

*«Мы ведём счёт времени по событиям
и переменам внутри нас. Не по годам».
Чарльз Диккенс. «Битва жизни».*

– Стой! Сто-о-о-ой, тебе говорят!

Хриплый мужской голос заставил обернуться в тот момент, когда нога дотянулась до обледенелой ступеньки маршрутного такси. Внимание, нацеленное на окрик, оставило беззащитным движения. Кубарем скатилась на платформу автобусной остановки. Промелькнули секунды мысленного сканирования тела на предмет возможных увечий. Кажется, все в порядке. Заметила, что стало неожиданно легко. Всю дорогу домой сопровождала тупая боль в пояснице от напряженного рабочего дня. Позиция – «лежа на спине», явно нравилась уставшему телу. Даже, если она досталась ему таким неожиданным образом.

Не успела обрадоваться факту успешного приземления, как, кто-то рывком за плечо поставил меня на ноги. Через секунду и сумочка, с которой разъединились в полете, оказалась снова в моих руках.

– Ты, что, иначе не умеешь выбираться из маршруток? Жить надоело?!

Ну, это, уже слишком! «Хамство кристальной чистоты» в полицейской форме сурово смотрело на меня сверху вниз. Рослый кареглазый мужчина, лет сорока. Высокий лоб, кустистые брови «домиком», длинный прямой нос. Широкие скулы выдавали решительность их владельца. Густая сеточка морщин вокруг глаз определяла характер, не лишенный чувства юмора. Да, это же майор, который рядом стоял в переполненном транспорте!

Воспоминания, порванные в клочья от феерического выхода из автомобиля, наползали тучей.

Так, это он мне кричал? И как угораздило опять попасть в историю? Меньше надо было вмешиваться в личное дело постороннего человека. Хотела как лучше.

На всякий случай решила осведомиться:

– Простите, майор, это Вы мне что-то сказали?

– Тебе, тебе. Я ещё ничего не успел сказать! Откуда ты знаешь мою семью? Знаешь, что моя жена в положении и скоро родится долгожданный первенец?

На меня пронизывающе смотрели два уголька, в ожидании ответа. Его нужно было сформулировать.

– Видите ли, – начала осторожно, стряхивая снег с одежды, – со мной происходят иногда такие истории. Вижу будущее людей, которые оказываются рядом при разных обстоятельствах.

Мужчина напрягся, пальцы сжались на рукаве моей шубы. Медленно оттягивая меня от места высадки пассажиров к скамейке, пытался вникнуть в смысл услышанного. Мы сели. Чувство необходимости продолжить объяснения заставило прервать молчание:

– При выходе из машины мимо Вас, увидела картинки. На первой был малыш. Ему около трёх лет. Он болен. Родился больным. Затем возникла история Вашего будущего. Смысл в том, что частые обострения болезни новорожденного, тяжелые роды подорвали здоровье супруги. Из близких людей помочь было некому. Вам пришлось взвалить на себя лечение сына, заботу о супруге, и, продолжать свою службу. Пострадала карьера. С работы пришлось уйти. Настали тяжелые времена случайных заработков и безденежья. Появились долги. Я всего лишь пыталась помочь советом. Будущая мать в настоящее время должна обратить внимание на риск появления патологии у плода и избежать последствий. Малыш должен родиться здоровым, чтобы роковая цепочка разорвалась.

По лицу собеседника пробежала тень недоверия:

– Кто ты? Как тебя зовут? Что всё это значит? – продолжал он допрос.

– Я – Лиза. Елизавета Андреевна. Не хотела Вас настораживать, тем более – пугать, когда сказала о том, что видела. Извините. Моя способность проявляется не всегда. До сих пор не знаю, от чего зависит. А когда происходит, обычно желание помочь людям перевешивает страх остаться непонятой. Чаще не бывает времени объяснять происходящее окружающим. Но события из видений имеют место быть в дальнейшей жизни человека. Это проверено. Ваша жена, Нина, долго не могла иметь детей. Слушала, как Вы, Игорь, мечтаете о сыне. Страдала, что не может подарить такое счастье. И вот, долгожданная радость ожидания наследника вошла в вашу жизнь. Но, запустился механизм изменения былого равновесия. Если Нина не сможет обеспечить здоровье плода в настоящее время и избежать ошибок при родах, то в скором будущем родится больной ребенок. Вслед за этим потянется и черед неудач. Здоровье ребенка – ключ к благополучию Вашей семьи.

Игорь слушал внимательно. По едва заметной ух-мылке, скрытой в уголках губ, было понятно: он не верит ни единому моему слову. На его месте, сама бы не поверила. Решила продолжить:

– Поверьте, ваши имена взяты мной не из какого-то досье и не узнаны в ходе слежки. Могу назвать вами подготовленное имя для малыша: Женя. Этого же я не могла узнать от кого-либо. А теперь, мне надо идти.

Я встала. Кивнула в знак прощания собеседнику и направилась в сторону дома. Сделав шагов десять, обернулась. Игорь размашисто шагал в противоположную сторону. Где-то внутри у меня теплилась надежда на то, что мужчина передаст информацию супруге и это им поможет.

Чувство повторной предстоящей встречи с майором уступило восхищению внезапным снегопадом. Тяжелые хлопья падали и казалось, что, если сильнее прислушаться, то будет слышно, как они глухо шлёпаются под ноги. Рассекая белую пушистую завесу, не заметила, как дошла до дома. В окнах горел свет.

Наша квартира в девяносто квадратов размещалась на седьмом этаже огромного дома. Иногда, глядя на эту махину с улицы, невольно возникал вопрос: а не стоило ли на месте одного дома построить два или три? Таких домов в городе было два. Сама же квартира мне очень нравилась. В ней я чувствовала себя спокойно. Казалось, что и жилье как живое существо, каждый день ждет моего возвращения. Радует ароматам вкусно приготовленной еды и моим частым хлопотам по наведению чистоты и порядка в нем.

Дети были дома. Муж в командировке, сегодня не приедет. Дверь открыл Дима, мой сын-первокурсник, будущий историк. С порога тихо сообщил:

– Мам, у меня телефон украли.

– Как украли? – Даже ноги подкосились. Ведь недавно, только два месяца назад ко дню рождения подарили дорогой смартфон!

– Ты в полицию обращался? Заявление писал?

– Звонил. Сказали, до восемнадцати лет приходиться только с одним из родителей. Вот тебя жду.

– Во сколько это случилось и как?

– После занятий, в гардеробной. Положил телефон на стул рядом с собой. Пока переобувался, он исчез.

– Вахтера спрашивал?

Дима опустил голову, устало сообщил:

– И ребят, которые рядом находились. Всех спрашивал. Никто не видел.

О том, что найти телефон после стольких часов, шансов мало, догадывались и я, и Дима. На всякий случай, предложила съездить в полицию и оформить заявление. Ужинать не стала.

В автобусе сын странно молчал. Через некоторое время прокашлялся и заговорил:

– Что папе скажем? У нас с ним и так отношения в последнее время сложные, а после потери вашего подарка ко дню рождения, совсем разладятся.

Отношения моих мужчин, действительно, осложнились. Сын вырос и как обычный юноша считал себя самостоятельной единицей. Каждое молодое поколение уверено в том, что оно умнее предыдущего. С другой стороны, каждый родитель видит в своем отпрыске ребенка, несмотря на возраст последнего. Конфликт поколений.

Представив ссору между мужем и сыном и зная, какой напряженный и уставший придет из командировки супруг, я предложила:

– Дим, а давай купим такой же телефон и не станем говорить никому о том, что произошло.

Видела, как сыну тяжело давалось такое решение. Обманывать родителей он не привык. Мне всегда нравилась его честность, даже в сложных ситуациях. Но на фоне отношений с отцом в настоящее время, решил, что это оптимальный вариант и согласился.

Чувствуя угрызения совести по поводу того, что не только сама утаиваю правду, но и сына подстрекаю, я добавила:

– Но в полицию необходимо обратиться.

В отделе, в дежурной части стояла толпа. Кому-то нужны были документы, кто-то сам подавал. Дошла и наша очередь. Быстро побеседовав с дежурным по отделу и оформив бумаги, отправились пешком домой. Благо, недалеко было идти.

По дороге завязался разговор на неожиданную, ввиду последних событий, тему. Начал Дима:

– Мам, а помнишь, когда был в четвертом классе, я подходил к тебе сообщить, что вижу вокруг людей какие-то цветные пятна? Ты в тот момент готовила ужин и была очень уставшая после работы. Ты ответила, что мне показалось. В следующий раз, в девятом классе, я предположил, что это может быть аурой. Ты меня выслушала и объяснила, что увидеть тонкие тела людей не так просто. Так, вот, я до сих пор это вижу.

Я замедлила шаг.

– А как это выглядит?

– Обычно вокруг головы человека возникают разные цвета. Могут появиться вокруг туловища, если смотреть рассеянным зрением.

– А вокруг меня ты видишь в данный момент?

– Нет, надо настраиваться. Иногда само собой получается, когда задумчиво смотрю перед собой вдаль, и в поле зрения попадает человек.

Вот это новость! Если это так, то и у сына есть определенные способности.

– Вернёмся и попробуем поэкспериментировать. Я встану у стены и постараюсь прокачать энергию с какого-либо центра. Ты определишь: какого цвета она у меня.

– Хорошо. Попробуем, – согласился он.

Остаток пути домой каждый думал о своем. Неужели у меня под боком все это время был человек, который мог увидеть результаты практик? Несколько месяцев пыталась прокачать энергию с солнечного сплетения. То, что в итоге практика стала успешной, я знала. Но подтвердить воочию никто не мог.

Дома выбрали под эксперимент нашу, родительскую, спальню. Я встала лицом к стене с северной стороны. Дима сзади на расстоянии семи шагов от меня. Пока он настраивался, меня одолевали сомнения. Нет, если бы действительно были такие способности у него, узнала бы наверняка раньше! В любом случае нужно было проверить. Сосредоточилась на центре солнечного сплетения, прогнала энергию по локтям вверх, над головой...

Возглас Димы прервал процесс:

– Вот это да! Желтый цвет, мам, с головы идет к локтям.

Не поверила своим ушам! Единственное, что смогла ответить от растерянности:

– Нет, сынок, это я, наоборот, с локтей вверх направила...

Мы так и стояли как два истукана – моаи¹. Попытка принять тот факт, что Димка может видеть ауру человека давалась с трудом. Ведь сын понятия не имел, что поток должен быть именно желтого цвета. А он, в свою очередь, как признался позже, был изумлен, что мама практикует разные техники и они успешны.

Придя в себя, спросила:

– А какой желтый цвет? Золотистый?

– Нет. Желтый, как кончик цветного карандаша. Кстати, часть желтизны осталась на стене.

От удивления оглянулась на стену, на которую прислонилась. Мысли роились в голове.

Через какое-то время Дима, посмотрев на стену, сообщил:

– Всё, пятна на стене размылись и исчезли.

Проговорив с получаса, разошлись спать. Согретый младшей дочерью, Настенькой, ужин для меня, так и остался не тронутым. Случайное открытие возможностей сына стало причиной бессонницы в эту ночь. Уснула я только под утро.

– Ивета! Ивечка! Ты где, доченька? – голос мамы выперил и вывел из состояния умиротворения. Лежа в борозде между рядами растущего картофеля, было удобно наблюдать за жизнью мелких насекомых. Вот, одна божья коровка, низко спланировав, как идущий на посадку самолет – «кукурузник», села на самую верхушку куста. Сколько горошинок на крыльях у неё? Забавно торчали коричневые подкрылки «самолета». Они были похожи на тонкую плёнку под шелухой жареных семечек подсолнуха. Нарядная букашка! Она мне нравилась.

– Вета, пошли завтракать. На столе пирожочки с клубникой, твои любимые. Где ты?

Мамино упоминание о пирожках с клубникой окончательно вывело из состояния созерцания чуда в горошек. Что может быть важнее вкусной ароматной маминой выпечки?

С долей сожаления покинула пригретое летним солнцем лежбище. Попрощалась с «пёстрой коровкой» и помчалась в дом.

У садовой калитки уже ждала мама. Какая она красивая! Небольшого росточка, стройная. Глаза небесной голубизны. Они всегда, при любом настроении хозяйки, смотрели на мир светлой струящейся теплотой. Шершавые, потресканные от каждодневного труда, тёплые руки обвили моё тельце, чуть приподняв с земли. Так, что смогла дотянуться и быстро поцеловать родную щёчку. Тонкие брови, изящно изогнутые дугой, взлетели вверх. Глаза заискрились и мама, блеснув жемчужинами зубов в широкой улыбке, поцеловала меня в лоб в тот момент, когда открыла рот произнести:

– Мама, ты не представляешь, какие интересные жучки живут у нас в саду! Одни темносиние, блестящие. Их много на листьях редиски, репки и горчицы. Другие, коричневые, тоже блестящие. Они летают, затем садятся на черёмуху и вишню. А божьи коровки есть везде. Я видела на кустике картошки. Мам, а они разговаривают между собой? Они могут общаться?

Вопросы так и сыпались из меня, пока не дошли до окна кухни. Ах! Какой чудесный аромат был слышен из открытой форточки!

– Вета, смотри под ноги, споткнёшься на ступеньках, – мамин голос звучал нежно и покровительственно, – жучки между собой, конечно же, общаются. Только не так, как мы. Они звуками передают сигналы опасности или подают знак, выявляющий их место нахождения. Но лежать часами под утренним и дневным солнцем очень вредно. Позавтракаешь и поможешь мне по хозяйству.

¹ Моаи – древнейшие статуи-истуканы с острова Пасхи.

Представляя, как после заманчивых пирожков мне предстоит совсем не заманчивая работа по дому, влетела в ванную комнату. Руки помыла за секунды. Струйка воды стекала по ладошке, брызги попадали на тыльную сторону. Вытираться вообще не любила. Коснулась обеими руками до края полотенца и с визгом радости подбежала к обеденному столу.

Бабушка и сестра уже сидели за столом.

– Ветка, где тебя носило? Опять сидела в кустах и ела невымытую малину? Когда-нибудь ты или отравишься или заболеешь от такого количества съеденных ягод, – изрекла Катюня.

Катюней называли в семье сестру Катю. В моменты любви и нежности к ней, я могла назвать её и Котёнком. А когда мы ссорились, бывало и Драной кошкой. Она у меня периодически пребывала в трёх ипостасях. Первая – самая любимая сестра, в которой души не чаяла. Вторая – мой личный опекун, старше на пять лет. Третья – ярый враг, запрещающий: ходить на коньках по ковру дома, затаскивать домой орущих бездомных котят, раскидывать вещи по всем углам комнаты... Данный список был, не иссякаем. А иногда, доводящая до слёз своими упражнениями. Делались они в целях превращения моей персоны из гадкого утёнка в грациозную лебедь. Это меня – то? С моими тощими руками, ногами. С несуразными движениями и постоянным желанием одевать самую неприемлемую, по её мнению, одежду. Вот тогда, она и превращалась в Драную кошку. Правда потом, узнав про это, мама могла меня и в угол поставить. Видимо, искренне веря в эффективность углов в воспитании младшенькой.

Со словами: «Садись уже. Давай, вот рядом со мной. Возьми пирожок и чай налей в блюдечко. Он горячий», – бабушка вместе со мной придвинула стул к себе. Видимо, почувствовала, что Катюня может стать в очередной раз Драной кошкой.

Скандалов и ссор бабуля не любила. Особенно, когда дело касалось любимой младшей внучки. Так сложилось с самого рождения, что она принимала активное участие в моём воспитании. Я же, в свою очередь, её обожала и всегда знала, что в любых боевых действиях с сестрой, могу встать под бабулин щит. До сих пор защита ни разу не подвела.

За столом разговоры велись в основном о моём предстоящем начале учебы в школе. В этом году, осенью, должна была идти в первый класс. Мама, уверенная в том, что все предметы будут даваться мне легко, в итоге резюмировала:

– Вета у нас смышленная не по годам. И за себя постоять может в случае чего. Так, что волноваться не стоит. А ты, Котя, будешь ей помогать с уроками.

Ох, как меня насторожило мамино предложение! Быть войне с Катюней. Неужели все десять лет? Опасения не мешали мне с набитым ртом крутить головой из стороны в сторону, в зависимости от того, кто говорил, и внимать им.

– Мам, да она и слушать меня не станет. Она уже не довольна таким фактом, – голос сестры дрожал от возмущения. – А еще посмотри: даже руки не умеет вытирать после мытья. Как она домашние задания будет выполнять?

– Катюня, успокойся. Делу время, потехе – час. Начнутся занятия, ребенок втянется. Не она одна будет учиться. А там, глядишь, и привыкнет, – закончила мама разговор на тему нелегкого моего будущего.

Она – самая мудрая женщина в мире! Конечно, надо подождать всего лишь до осени. До окончания детства. Дальше начнется взрослая жизнь, где будут присутствовать учителя, дисциплина, оценки...

Время еще есть. Можно успеть полечить сломанные крылья голубей. Помыть бродячих щенков. Часами есть невымытую малину. Бегать босиком по траве с подружками на холме, недалеко от дома.

Звон будильника настойчиво стучал по барабанным перепонкам. Уши, устав от вероломства звуков, разбудили мозг.

Чертовски не хотелось вставать. Утро обещало быть тяжелым. Сегодня должен состояться семейный совет. На повестке дня: куда будет поступать чадо – выпускница школы, то бишь – я.

– Ева! Подъем! Тебе за справкой в поликлинику надо смотаться! – голос брата бритвой прошелся по слуху. Да, он же приехал на днях в отпуск. И, конечно же, чтобы сказать своё весомое слово о моём поступлении. Даже, догадывалась, что он предложит. В ответ буркнула:

– Встаю уже! Помню. Ща, дай ещё пять минут полежать под одеялом.

Какое поганое утро! Спустила ноги, нащупала тапочки с мордочками ушастых плюшевых собачек и быстро накинула халат. За окном прошел дождь. Так вот, что я слышала сквозь сон. А приснилось, как под барабанную дробь исполняла опасный трюк с дрессированным тигром. Тигр на арене, вероятно, это я под руководством будущего семейного совета.

В компании собачкотапок прошлёпала в ванную. В зеркале над раковиной на меня смотрело худощавое ску-ластое лицо. Глаза казались темно-синими в тусклом свете ванной. Опять одна лампочка перегорела. Уверенный сильный взгляд, отцовское наследие, обрамляли красиво очерченные брови. Лоб скрыт чёлкой. Густые волосы после сна разметались по плечам и блестели своей природной силой.

– Ну, что, красавица: умылась-причесалась, позав-тракай и марш в поликлинику за справкой для поступления. – Разговор со своим отражением прервал голос отца:

– Где наша будущая студентка?

Низкий властный голос отца звучал дружелюбно. Оставалась надежда на благополучный исход обсуждения моего будущего.

Сложность моего отношения к отцу основывалась на том, что в периоды его пьянства всем членам семьи приходилось туго. С тех пор, как вошла в подростковый период, его бесконечные угрозы, со всеми ужасающими атрибутами поведения в такие моменты, оставляли в моей памяти глубокие борозды отчаяния. С комьями по краям из бессилия и жалости к матери. Не гнушался он и побоями. В возрасте, когда уже могла защищать мать, перепало и мне. В такие моменты ловила себя на мысли, что ненавижу его. После пьяных угаров наступали дни трезвости. И тогда отец становился совсем другим человеком. Будучи природой наделенным фигурой атлета и невероятной физической силой, днями напролет занимался хозяйством: строил, возился с техникой, участвовал в жизни семьи. На низком небе, с леденящей черной пустотой, накрывавшей нас с головой, появлялось солнце. Страхи исчезали, жизнь менялась со скоростью молнии во время летних дождей. Такие перемены в нем у меня вызывали недоумение. Каким образом из монстра, тиранящего всю семью, он превращался в любящего папу, я предположить не могла. Авторитет перед детьми он имел неоспоримый. Было за что. В нем ощущалась несокрушимая сила духа. В любых сложных обстоятельствах я видела в нем непробиваемую броню защиты. Он всё умел и всё мог. С молодости, проработав под землёй, на шахте, рано вышел на пенсию. Богатства в семье не было. Мы жили в достатке. Среди друзей, уличных мальчишек и девчонок, я отличалась тем, что наряжалась в дорогие платья и костюмы, ходила в добротной обуви и позволяла себе походы в кино и развлекательные поездки тогда, когда хотела.

Тем временем, после завтрака, параллельно моим приготовлениям в поликлинику, члены семьи заняли свои места в гостиной.

– Ты, сама-то, куда хочешь поступать? – первым задал вопрос Сергей, мой брат.

– Если честно, то я не знаю. Туда, куда хотела, вход закрыт. Нужен двухлетний стаж в юридических конторах.

– У тебя широкий диапазон выбора с твоими знаниями и хорошим аттестатом. Нужно попробовать в Технологический институт.

– Инженером я не стану. Нет особых способностей и желания возиться с чертежами. Будут проблемы с инженерной графикой.

– Вначале будет сложно. Научишься. Получишь специальность, устроишься в промышленной отрасли, будешь зарабатывать приличные деньги, – продолжал Серёга, не принимая во внимание мои реплики.

– А может ей в медицинский институт пойти? – робко вставила мать. – У неё есть склонности к врачеванию. Крови не боится. Дома, вон, всех лечит и за всеми ухаживает во время недомоганий.

– В медицине учеба займет лет восемь. А она – девушка. Когда замуж выходить и детей рожать? – возмутился отец.

– Так, ты подумай на счет Технологического. Будущее будет обеспеченным, – не унимался брат.

– Сергей дело говорит, – вставил отец.

– Ну, в Технический, так, в Технический, – протараторила мама. – Туда еще поступить надо. Говорят, очень сложно.

Во мне начала закипать обида. Кто-нибудь слышит то, что говорю? Непробиваемая бетонная стена! Ну, нет у меня способностей к чертежам! Элементарно, с одним центром и радиусом могла пять окружностей циркулем начертить. И желания этим заниматься, тоже нет. Была мечта с шестого класса стать юристом. Неожиданно, с этого года ввели обязательство проходить предварительную стажировку. Понятно, что за два года знания на том же уровне не останутся. Многое из школьной программы сотрётся из памяти, вступительные экзамены впоследствии сложнее будет сдавать.

Обладая отцовским характером, с его категоричностью и тяжелым восприятием чужого мнения, мне тяжело было донести до родных свои надежды, видение жизни. Чувство страха от неопределенности будущего, уже как месяц, меня не покидало. Но показаться слабой не могла. Резко вскочив, чтобы уйти, на ходу кинула:

– Если вы так хотите, чтобы я поступила в этот институт, чтобы похвастаться перед знакомыми его престижностью, то поступлю туда. Но, учиться на инженера не собираюсь. Я не смогу пять лет заниматься чертежами и тем более, после завершения работать. Это не моё!

Дверь громко захлопнулась за мной. И что теперь? Нужно идти в поликлинику. Мысли флюгером крутились в голове. Прокручивая состоявшийся разговор с родителями, быстро направилась к калитке. С улицы доносилась песня. Молодой мужской голос под гитару звучал в незнакомой песне, совсем рядом.

Выглянув за ворота, увидела парня. На нём матросская форма. В лучах утреннего солнца блестела кокарда на бескозырке. Наклонившись над гитарой, перебирая струны, он тихо пел. Кто в такой ранний час может петь под нашими окнами? Услышав мои шаги, матрос встал. На меня смотрели знакомые с детства озорные со смешинкой светло-голубые глаза. Так, это же Сашка, мой обожаемый друг детства! Не виделись три года, с тех пор как его на подводную лодку забрали служить.

Всё детство мы провели в одной дружной компании, состоявшей из соседских мальчишек и девчонок. Сашка был заводилой, лидером и просто душой нашего многочисленного веселого общества. Он виртуозно играл на гармошке и я, забегая за подружкой – его младшей сестрой, задерживалась подольше у них, только для того, чтобы наслаждаться его талантом.

– Саш, это ты? Ты вернулся, отслужил..., – успела я произнести, прежде чем подбежала и обняла его.

– Ева, ты, что ли? Ничего себе выросла! Ты же ребенком была, когда уезжал. За это время успела повзрослеть, девушкой стала. Глазам своим не верю, красавица, просто Мишель Пфайффер в её лучшие годы!

– А ты возмужал, Саш. Если бы не твои глаза, я бы не узнала. Ты что здесь сидишь в такой ранний час один, как волосок на лысине?

– Мать с отцом с ночной смены еще не вернулись, видимо. Дома никого нет. Приехал, вещи закинул на террасу и вот здесь с гитарой решил их подождать.

– Так ты к нам бы зашел, отдохнул, позавтракал. Родители были бы рады такому гостю.

– Спасибо, решил на родной улице посидеть. Соскучился по нашим местам. Как у Николая Рыбникова в фильме «Весна на Заречной улице»:

«Но ты мне, улица родная,

И в непогоду дорога.

Здесь все мне близко, все знакомо,

Все в биографии моей:

На этой улице подростком

гонял по крышам голубей,

И здесь, на этом перекрестке,

Семья испытанных друзей!»

Как-то так, кажется. Вот тебя увидел. А ты далеко собралась?

– Нет, только в поликлинику надо сгонять. Получить справку, подтверждающую, что еще нахожусь в здравом уме и твердой памяти для получения высшего образования.

– Составлю тебе компанию. Заодно расскажешь местные новости про «наших». Кто где сейчас находится, давно ли виделись, куда поступать собралась.

– Принято. Пошли, – обрадовалась я спутнику, возлагая надежды на то, что в беседе с ним не будут одолевать мысли о неудавшемся разговоре с семьёй.

По дороге я подробно рассказала обо всем, что его интересовало. О том, что большая часть мальчишек из нашей ватаги вернулись из армии год назад. Некоторые продолжили учебу в ВУЗах. Несколько парней решили устроиться на работу. Девчонки, в основном старше нас с его сестрёнкой, уехали из посёлка и учились в городе. И наша очередь поступить настала, и что после окончания школы долго выбирала будущую профессию. Обмолвилась и о том, что мои метания вызывали постоянное желание родителей вмешаться и навязать свою версию. В конце концов, это закончилось тем, что мои «нервы в шоке, мозги в трансе, а логика вообще пошла и застрелилась». А вердикт семьи: идти в инженеры.

На что он невозмутимо ответил:

– Не плохо. Как говаривал Луи Левинсон: «Инженер – человек, способный взять теорию и приделать к ней колеса». Теорий обо всем хватает, до пенсии много колёс успеешь приделать к ним.

Так, в беседе, с его неизменными шутками дошли до пункта назначения. В аллейке перед входом в здание, моего провожатого перехватил друг – одноклассник. Мне ничего не оставалось, как обронить на ходу, потерявшемуся в объятиях одноклассника, Сашке: «Встретимся вечером» и впорхнуть в медицинское учреждение.

Полдня ушло на то, чтобы отсидеть в очередях и собрать долгожданные подписи от герценовских «генерал-штаб-архиатров врачебной империи».²

Застряла на приёме у пожилого окулиста. В самом начале осмотра его вызвали в кабинет главного врача, и я от скуки в одиночестве, принялась самостоятельно проверять зрение. Закрывала ладонью один глаз, прочитывала все буквы на таблице, затем меняла проверяемый глаз. В какой-то момент стала буквы произносить под музыку, здесь же придуманную.

В разгар процесса «творчества» дверь кабинета распахнулась, и на пороге появился молодой парень. Высокий, подтянутый, темноволосый, с живыми зелёно-карими глазами.

² А.И.Герцен в повести «Скуки ради» говорит о «патрокрании», т.е. об утопическом управлении делами общества врачами

Но больше всего, мне понравились его усы. Аккуратно подстриженные, они прибавляли возраст юноше так, что можно было его назвать молодым мужчиной. С порога он протрубил:

– Доктор, я тороплюсь. Мне только подписать справку ..., – и тут, заметил меня.

Переставшая петь от неожиданного вторжения, я уставилась на него. Поймала себя на мысли о том, что с первой секунды он мне понравился. Это обескуражило. Обычно, возможность завладеть моим вниманием у противоположного пола появлялась редко и только после настойчивых попыток его привлечь.

– Врача нет. Он вышел, – промямлила я и быстро добавила: – Но скоро будет. Если Вам очень срочно, могу уступить. Мне не к спеху.

Хотелось смотреть и слушать его. Кого-то он напоминал своей внешностью и темпераментом? Ага, вспомнила! Фредди Меркьюри³, но с более утонченными чертами лица.

– А Вы здесь, без доктора, чем занимаетесь? – неожиданно спросил «Фредди».

– Тем же, что и все в этом кабинете – проверяю зрение.

– Получается своеобразно, под ритм музыки. Но мило. Меня зовут Григорий. Гриша.

Подожду снаружи, – проговорил он и вышел.

А спросить, как меня зовут? Похоже не только я со странностями.

Доктор, вернувшись на свое рабочее место, подтвердил своей витиеватой подписью штамп «здорова». Зрение: 1,0. Еще бы! К этому возрасту я уже имела значок и удостоверение меткого стрелка. Решила быстрее завершить дела, чтобы не потерять из виду неожиданную свою симпатию. Помчалась за последней подписью главврача. Моё место перед «дедушкой» занял «Фредди Меркьюри», он же – Григорий, он же – Гриша.

К полудню в руках я держала справку установленной формы. Вышла из поликлиники. Возле крыльца стоял ОН. Всем своим видом показывая, что до него мне дела нет, я быстро зашагала прочь. Громкий оклик остановил:

– Ева, нам ведь по пути, подождите!

Пока он догонял, мозг лихорадочно вспоминал тот момент, когда я могла представиться Грише. Так и не вспомнил. Пришлось спросить. Новый знакомый улыбнулся и объяснил:

– Я заметил Вас сразу, как только увидел. После того, как пообщались со знакомой в фойе, подошел и спросил у Вашей собеседницы имя. Вы не против такого знакомства?

– Весьма необычно.

– Значит, не против. Ну, тогда пойдемте, я Вас провожу. И, давай на «ты».

– Хорошо, – слегка оторопев, выдавила из себя.

До самого моего дома мы разговаривали. Григорий оказался очень интересным собеседником. Узнали друг о друге интересные факты. Мы оказались из одной школы. Он учился со старшим потоком, с разницей в три года. Нас тренировал один и тот же тренер на разных секциях: меня – волейбольной, его – баскетбольной. Вспоминали смешные истории на тренировках или сборах, любимые фразы недовольства «шефа», ставшие среди воспитанников афоризмами. Уважение и восхищение тренером присутствовало не только в нашей команде, но и в их поколении спортсменов. Учился Гриша в институте. Теперь, после армии, должен был уехать, чтобы продолжить учебу.

Дойдя до моего дома, он сказал:

– Я обязательно сегодня вечером за тобой приду, никуда не уходи. Погуляем вместе.

Сдерживая ликование по этому поводу, я состряпала озабоченное лицо и выдала:

– Не могу обещать. Друг детства вернулся с трёхлетней службы. Может, и буду дома к тому времени.

³ Фредди Меркьюри (настоящее имя Фаррух Булсара) – британский [певец парсийского](#) происхождения, автор песен, вокалист рок-группы «[Queen](#)» (1970—1991 гг.).

Попрощалась и направилась в дом, не оборачиваясь. А так хотелось посмотреть – не обернулся ли он? К этому моменту поняла – влюбилась!

Глава 2

*Что для меня время? Бесстрашное «вчера» —
вместилище опыта и познания.
Спокойное «сегодня» — часы, идущие в такт
мыслям и поступкам. Незнакомка — «завтра»,
с вуалью на лице.*

– Доброе утро, Елизавета Андреевна! Шеф просил Вас зайти с оперативными данными по сделкам за неделю, до внепланового совещания заместителей, – мелодичный голос Наташи прервал мои мучительные поиски ключей от кабинета. Что за «Бермудский треугольник» – моя сумочка? Она могла любой предмет превратить в незримую вещь.

– Утро стало бы добрее, если бы моя сумка отдала ключи, Наташенька, – улыбнувшись, ответила я на приветствие секретаря-референта нашей фирмы.

Наталя представляла собой олицетворение молодости, красоты и вкуса. Учитывая, что этот букет был наделён ещё и интеллектом, все в нашей фирме были убеждены в том, что шефу, нашему генеральному директору Владимиру Михайловичу, очень повезло с секретарем.

Сегодня Наталья Васильевна была одета в элегантный костюм, выгодно подчеркивающий узкую талию и стройные бёдра. На плечи спадали белокурые густые локоны. Из-под густых длинных ресниц на мир смотрели широко распахнутые зелёные глаза. Пухлые маленькие губки придавали лицу кукольный образ. В офисе не было ни одного представителя мужского пола, который бы не хотел под любым предлогом задержаться возле красавицы и обсудить деловые моменты деятельности. Даже если, эти моменты касались не их прямых должностных обязанностей. В дни учебного отпуска референта, во время очередных сессий, создавалось ощущение, что из офиса вынесли что-то очень яркое, красивое и радующее глаз. Подсознательно, все с нетерпением ждали возвращения нашего фирменного солнышка.

– В случае необходимости внесения корректировок в плановые показатели, Елизавета Андреевна, у меня с утра готовы сводки по заказчикам за последние дни.

– Очень кстати, спасибо, Наташа. За чашкой кофе и проанализируем их, – предложила я, выудив, наконец, со дна сумки ключи.

Во время таких кратковременных совмещений деловых моментов с утренним кофе, мы успевали обсудить и некоторые волнующие её жизненные вопросы. И, конечно же, как у любой молодой девушки, эти вопросы касались личных отношений. Я никогда не задумывалась, на чем основывается её доверие и симпатия ко мне.

– Владимир Михайлович здесь? – спросила я Наташу, допивая кофе. По показателям прослеживался резкий спад спроса на наши услуги. – Я буду у него через двадцать минут.

– Сейчас доложу, – Наташа выпорхнула из кабинета и через минуту её каблучки стучали на другом конце коридора.

Фирма занималась строительством индивидуального жилья. На рынке мы прочно занимали свою нишу, существовали второй десяток лет и пользовались отличной репутацией.

Шефа за глаза называли Бульбудой. Кто и когда наградил его таким вторым именем, мы не знали. Но точно понимали, благодаря каким качествам он это заслужил. Первая часть «Буль» происходило от бульдога и бульдозера. Обладая железной хваткой и снося все преграды на своем пути, он прошел длинный путь от рядового строителя до генерального директора фирмы, занимающейся строительством по всей нашей области. Вторая часть имени происходила от Будды⁴. В свои шестьдесят семь лет вместе с сединой он приобрёл и мудрость. К людям

⁴ Будда Шакьямуни (дословно «Пробуждённый мудрец») – получил при рождении имя Сиддхартха Гаутама, духовный

он относился всегда уважительно. Окружающие отвечали взаимностью, никому и в голову не приходило злоупотреблять его спокойствием и рассудительностью.

Экстренное заседание длилось не долго. По итогам совещания, была разработана стратегия выравнивания деятельности организации по секторам. Первым в «атаку» шел маркетинговый отдел. За ним – все технические службы.

Моя же задача состояла в том, что с сегодняшнего дня оперативно-производственные планы я должна была составлять на каждый день и анализировать по истечении краткосрочных проектов. За время моей работы в этой организации наш отдел переформировывался. В итоге, из руководителя экономического отдела, я превратилась в заместителя директора, специалиста по общим вопросам. К оставшейся малой доле экономической работы добавили часть полномочий и обязанностей по работе с персоналом.

– Ты еще не ушла на обед? – услышала я голос Владимира Михайловича, прежде чем увидела его самого в проёме открытой двери своего кабинета.

Он был не высокого, но крепкого телосложения, без малейшего намёка на старческую сутулость. Короткая шея плавно переходила в скулы, оправдывая сходство с бульдогом. Пряди седых волос благородно серебрили виски и лоб. Сжатые тонкие губы контрастировали с черными глазами-вишенками под широкими бровями. Взгляд тяжелый, придавливающий железобетонным полотном. Мне было хорошо знакомо это выражение лица.

С тех пор, как шеф вычислил мою способность, как он говорил: «видеть людей», я стала привлекаться к некоторым процессам. Эта часть работы была напряженной, требовала максимальной концентрации внимания, но мне нравилась. Индивидуальные способности довольно успешно позволяли её выполнять.

– Отдохни в выходные, выспись. – Бульбуда прошел в кабинет и сел рядом. – У нас новый претендент в партнеры. В понедельник утром встречаемся с ними. Поедешь под видом референта. Форма одежды как всегда, ну, ты и сама знаешь. Диктофон бери с собой, после встречи предоставишь анализ разговора.

– Сколько человек от партнера будут, Владимир Михайлович?

– Трое. И мы, и они приедем со своими юристами. Внимание направляй только на руководителя. Меня интересует он.

– Фотографию Наташа скинет?

– Да, уже готовит, подходящий вариант для анализа. Предварительное описание психологического портрета по фотографии нужно в воскресенье. Отправишь по электронной почте.

– Каков алгоритм моей работы на встрече?

– Значимые штрихи накидаешь мне на бумаге через пятнадцать минут после начала беседы. Ориентируйся на момент согласования наших условий. Буду выводить на наш оптимальный вариант. Наблюдай внимательно, заметишь малейшую нестыковку в момент решения вопроса в моих действиях и в их намерениях, предложи моё лекарство со стаканом воды. Появится время, чтобы сориентироваться.

– Телефонные разговоры с ним остались?

– Запись первого общения.

– Какова продолжительность разговора?

– Минут десять. Забери у Наташи, послушай.

Шеф встал, дав понять, что разговор окончен. Неожиданно, по-стариковски положив жилистую руку мне на голову, добавил:

– Лиза, никогда тебе не говорил, принимал как само собой разумеющееся: спасибо, тебе, дочка, за работу. А теперь, нам нужно подкрепиться. Если нет срочной работы, то можешь ехать домой. Ты устала. Отдохни.

Бульбуда вышел, попрощавшись. Значит, действительно, пора домой. Уставившись перед собой, размышляла над тем, что услышала. На счет предстоящих переговоров я не беспокоилась. Меня насторожили слова Владимира Михайловича о том, что «девочка устала». Рабочий график был установлен для меня индивидуальный: с утра явка обязательна, после обеда – по необходимости. Иногда могла задерживаться и допоздна. Об усталости говорить было не принято. Так, в особых условиях, я работала третий год. Ходило много слухов о причинах привилегированности моей должности. Но так, как практически никто не знал всех нюансов и объемов работы, слухи на догадках оставались только слухами.

Со словами знаменитой героини фильма «Унесенные ветром» Скарлетт О, Хара: «Об этом я подумаю завтра...», решила заскочить за материалом к Наташе и отправиться домой. В выходные предстояло организовать и провести день рождения Валеры, моего мужа.

Школа предстала предо мной огромным ульем. Первоклашек набралось много. Нас всех построили во дворе. Высокая, толстая женщина в парике долго говорила о том, что у нас начинается новая жизнь и, какая она будет отныне в стенах этой школы. К тому времени, когда надо было расходиться по классам, букеты в руках у многих завяли. Бантики в косичках девочек помялись и распустились от назойливого внимания мальчишек. Один из них за это получил портфелем по голове. Уставших, обескураженных тем, что эта учеба затянется надолго, повели в классы знакомиться со своими первыми учителями.

Со мной за парту села маленького роста пухленькая девочка. Сразу познакомились. Звали её Надей. Несмотря на то, что учительница, Вера Степановна, после знакомства говорила важные для нас вещи, Надя взалхлеб рассказывала о себе. За полчаса я узнала, что у неё три сестры – все красавицы и умницы. Мама работает библиотекарем. Папа где-то в управлении. Живут они в трёхкомнатной квартире. Она умеет кувыркаться и долго может сидеть, набрав полный рот воды. Её большие голубые глаза на круглом лице часто моргали, а в моменты наслаждения своим рассказом, загадочно слегка прикрывались веками. Царапинки на маленьком носу вызвали мой интерес:

– Обо что ты так пошкрывалась?

– Котёнок Барсик игрался со мной и поцарапал, – ответила Надя. – Так у меня таких царапин везде полно. Смотри, – Надя стала стягивать с себя колготки, чтобы показать колени со следами дружбы с Барсиком. Мелькали ладошки, усыпанные тонкими нитями ран от когтей. К тому моменту, когда мы увлеченно под партой рассматривали Надино второе голое колено, неожиданно кто-то постучал по парте над головой и строгий голос Веры Степановны произнес:

– Кто у нас тут под партой? Девочки, в школе все сидят за партами и слушают внимательно учительницу. Вылезайте и садитесь на свои места.

С великим сожалением я заняла своё место. Вслед за мной, одевшись, уселась рядом соседка по парте. В этот первый день занятий Надя нашла во мне благодарного слушателя всех её многочисленных историй. Их хватило до того момента, когда за мной пришла бабушка.

Дома на расспросы мамы о школе я поведала истории, услышанные от Нади, и добавила:

– Мне там не нравится. Больше не пойду. А Надю буду приглашать к нам в гости.

Все расхохотались. Что смешного?

С первых учебных дней я зарекомендовала себя бойкой девочкой. Заявила всему классу, что зовут меня Ивета и только так. Ответы по предметам отскакивали от зубов хорошо поставленным звонким голосом. На переменах дралась с мальчишками, задирающимися по малейшему поводу. Через три месяца Вера Степановна посадила меня за парту с самым хулиганистым мальчиком Ромой, с которым никто не мог ужиться в классе. Началась война за территорию. Мы были в разной весовой категории. Роман был крупного телосложения,

довольно упитанный. Несмотря на то, что рядом с ним я выглядела кузнечиком, уступать ему ни в чем не собиралась. Каждое утро я отвоёвывала свою половину парты. В ход шли кулаки. На переменах во врага летели книги и чьи-то башмаки, недалеко стоящие рядом вдоль стены. Рома мстил: сажал меня на клей, привязывал косу к спинке ученической скамейки, прятал после занятий одну из туфель или клал в портфель всё, что не приколочено. Я никому не жаловалась. Во мне пылал огонь ненависти, а жажда ответной мести заставляла перед сном придумывать новый план на завтра.

В один из дней наши беспокойные соседские отношения всплыли наружу. На уроке труда, Рома подрезал лямки моего фартука. Я же в ответ, прошлась острыми ножницами по шву на спине его школьной формы. В разобранном виде после битвы мы предстали перед учительницей, которая не могла не услышать нашей с Романом брани.

– Подойдите ко мне, – раздалось в разгар словесной битвы.

Потупив взоры в пол, молча стояли перед Верой Степановной.

– Что происходит у вас? Это что такое с вашей формой случилось?

Мы молчали. Никому из нас не хотелось признаваться в том, что уже успели натворить.

– Сегодня же я навещу ваших родителей. И в ваших интересах быть дома после занятий.

А сейчас рассаживайтесь друг от друга на свободные задние парты. Будете сидеть поодиночке.

Оставшиеся уроки прошли спокойно. Идея Веры Степановны поговорить с родителями не выходило из головы всю дорогу домой.

В семь вечера на пороге дома появилась учительница. Маму я не предупредила, надеясь на то, что Вера Степановна по какой-либо причине может и не придёт.

После долгого разговора мама проводила гостью и подозвала меня:

– Веточка, ну как же ты могла себя так вести в школе? Ты же девочка! Почему целых два месяца ты молчала о своих отношениях с соседом по парте? Вера Степановна сначала поговорила с родителями Романа, они живут на нашей улице в том конце. Всё расспросила у мальчика.

И тут я не устояла перед лучистыми мамиными глазами и выпалила:

– Он первый начал. Не хотел, чтобы кто-то садился за его парту. А меня Вера Степановна посадила. Вот и получилось так.

Мама крепко прижала к себе и произнесла:

– И в кого ты у нас такая боевая уродилась? Партизанка, ведь молчала же всё время! С этого дня я прошу рассказывать мне обо всем, что происходит с тобой в классе. Договорились?

– Договорились, мамочка! – от радости, что так легко отделалась, я поцеловала маму и побежала собираться на улицу играть. Как же я была благодарна ей за любовь и понимание!

Утром, на перемене неожиданно Рома появился с вещами возле моей парты. С деловым видом разложил учебники и коротко процедил сквозь зубы:

– Я буду сидеть с тобой. Обещаю больше не драться.

– Как хочешь, садись. Если не будешь драться, то я тебе буду помогать с уроками, – ответила я, недоумевая от перемены в отношении недавнего противника. – Это тебе так хвост родители накрутили после беседы с училкой, что ты сам ко мне пришел?

– Нет. Мне было скучно без тебя. И пока сидел один, никто не подсказывал: что и как нужно делать на уроках.

С чувством облегчения я приняла конец войны с Ромой. Началась обычная школьная жизнь, как у всех. Просидели за одной партой мы с ним ещё два года. За это время крепко подружились. После окончания младших классов нас с ним рассадили по разным рядам, но я по привычке еще долго подсказывала ему устные ответы у доски.

Лето промчалось быстро. За это время я успела успешно сдать вступительные экзамены в Технологический институт. Была очень удивлена тому, что из трёх предметов два сдала на пятёрку. Четверка оказалась по содержанию сочинения. Этого я не ожидала, так, как школу закончила с похвальной грамотой по литературе и русскому языку. К экзаменам практически не готовилась. Приезжала на вступительные испытания, сдавала и снова уезжала в тот же день. В родном посёлке меня ждал Гриша. Вместе с ним я бегала на дискотеки, ходила в кино. Каждый день гуляли вечером. Часто выезжали на природу поиграть в волейбол или в футбол с моими друзьями детства. После сумерек разводили костёр и пели песни под гитару в большой компании. Изредка я улавливала нотки эгоизма с его стороны, но старалась не омрачать мыслями об этом своё чувство к нему.

Как-то вечером, я сидела на коленях у Гриши, и, он сказал:

– Нам нужно проводить время только вдвоём.

Я понимала, что ему необходима физическая близость со мной, но не была готова к этому. Так и ответила:

– Я тебя очень люблю. Радуюсь, что ты есть, что ты со мной. Но, мне недавно исполнилось семнадцать и я не готова к таким отношениям. Скоро мы разъедемся по разным городам...

– Ну, что ж, значит, недостаточно любишь. Всё понятно. – Тяжело посмотрев, Гриша встал, стряхнув меня на землю. Резко повернулся и зашагал прочь.

– Люблю. Первый мой мужчина должен быть мужем... – пролепетала я вслед. Но, в ответ только глухо отозвались шаги в ночной тиши.

Это была первая наша размолвка, после которой места себе не находила. Где бы ни была, с кем бы ни общалась – все мысли были о Грише. Часами могла сидеть в оцепенении и прокручивать последний разговор. Это конец отношениям. Больше он никогда не будет со мной. Боль утраты, пустота в душе свалили в постель с температурой. Сказали, что я пролежала неделю. Приезжала неотложка. Маленького роста, щупленькая медсестра поставила укол. На безымянном пальчике правой руки блестело обручальное кольцо. Я подумала: «Может быть, её очень любит муж. А меня никто не любит. Не любит. А, и вправду ведь, Гриша ни разу не признался в чувствах». Стало еще тяжелее на сердце. «Придумала красивую сказочку про любовь, поверила в неё. Наивная маленькая глупышка! Дальше будет всё по-другому. В будущем страдать буду не я».

Высыпаясь по четырнадцать часов в сутки, встала на ноги. И уже через несколько дней заселилась в общежитие института.

Студенческая жизнь встретила нас круговоротом событий. Не успели привыкнуть к лекционным аудиториям и огромным лабораториям для практических занятий по химии, как отправили на полевые работы всем курсом. Оказывать студенческую помощь работникам села в сборе урожая овощей. Трудились с раннего утра. Возвращались уставшие. Несмотря на это, по вечерам находились силы и желание ходить на прогулки с новыми друзьями или поиграть волейбол на спортивной площадке. Друзей прибавилось, а самыми близкими подругами стали соседки по комнате Нина и Зоя.

В один из дней, вечером, я спустилась в подвальную прачечную. Стирали вручную. Белья набралось много после дождливого дня на поле. Поэтому, не заметила, как осталась одна в помещении. Уже собиралась уходить, как неожиданно в дверях появился молодой человек. Прислонившись к дверному косяку, оглядел с ног до головы, поцокал языком и произнес с сильным акцентом:

– Краси-и-и-вая! Ты мне давно нравишься, будешь моей. Я – Эрнесто.

Застыв с постиранной рубашкой в руках, присмотрелась к самоуверенному визитёру. Сомнений не оставалось. Передо мной стоял кубинец, любитель молоденьких девочек – первокурсниц. О его наглости мы с Ниной знали от второкурсниц. Я же видела его впервые. Ростом

с меня, но рельефы мышц, обтянутые спортивным костюмом не оставляли шансов на попытку сопротивления. Оценив расстояние между нами, я быстро огляделась в поисках чего-нибудь тяжелого. Кроме широких длинных скамеек вдоль стены и полиэтиленовых тазиков на них, ничего не было. Взгляд упал на эмалированный ковш, в метрах трёх сзади от меня. Эрнесто с довольной ухмылкой надвигался:

– Иди-и-и ко мне, красавица...

Язык онемел, мышцы напряглись. Запотели ладони и шея. Страх сковал тело. Я пятилась назад и смотрела в его большие карие глаза. Он был красив и в то же время вызывал отвращение выражением животной плотоядности. Вдруг, резко подскочив, сбил меня с ног. Я рухнула на скамью, больно ударившись головой. За доли секунды успела подумать, что сознание не потеряла. Значит, смогу сопротивляться. Кубинец же, бормоча что-то на своём языке, начал срывать с меня одежду. Увидев закрытые глаза, видимо решил, что я без сознания. Просчитывая варианты отпора, я понимала, что удар достаточной силой должен быть нанесён ногой и желательно, в пах красавцу. Но, упав на спину, ноги оказались зажаты к ребру скамьи, не менее сильными его ногами. Времени не оставалось. Эрнесто всей тяжестью своего тела навалился на меня. От него пахло спиртным и чем-то сладковато-приторным, смешанным с запахом пота. В то время, когда он возился с завязками на поясе спортивных брюк, я дотянулась и схватила ковш. Со всей силы, насколько это было возможно в положении лёжа, обрушила его на него. Удар пришелся по затылку. Со спущенными до колен штанами мужчина сполз на пол. В этот момент вбежала Нина и закричала:

– Что здесь происходит?

Быстро оценив ситуацию, злобно посмотрела на лежащее тело с обнаженными мужскими причиндалами. Подняв меня, резко сказала:

– Быстро! В комнату! Нас здесь не было. Он, что, сдох, ублюдок? – быстро проверила пульс кубинца и добавила: – Живой, лучше бы сдох, урод! Но, тогда бы тебя посадили. Иностранец в нашем институте, учится по обмену. Мать божья, что теперь будет! Из комсомола точно выпрут!

Отходя от шока, и вяло улыбнувшись упоминанию о комсомоле, выдавила из себя:

– Нин, собери бельё, я пока оденусь.

Натянув мокрую рубашку вместо порванной блузки и, прихватив всё бельё, мы ещё раз оглядели тело на полу. Оно дышало, но кровь на затылке вызывала приступы тошноты и вселяла ужас.

В считанные минуты добежали по пустым коридорам до своей комнаты. Когда дверь закрылась за спиной, я смогла отдышаться и сказать:

– Позови скорее Олега.

С Олегом мы познакомилась на волейбольной площадке. Вечером, еще в начале сентября, наша женская команда играла против юношей. По ту сторону сетки напротив меня на третьей зоне стоял симпатичный блондин. Во время игры я получила растяжение ноги. Он меня на руках отнёс в общежитие, молча. Этот высокий немногословный парень с третьего курса, был влюблён в меня с первой встречи. Я это знала. Знала и то, что, обладая решительным характером и привлекательной внешностью, он никогда не признается в своей симпатии ко мне. Его робость именно передо мной нередко являлась объектом шуток и насмешек со стороны Нины. Отмахиваясь от острого язычка подруги, он делал вид, что его это не задевает.

Через пять минут Олег был уже у нас.

– Что, случилось, Ева? Нина вся в растрепанных чувствах прибежала. На тебе лица нет! Что происходит? Почему ты мокрая?

Рассказывать и объяснять времени не было. Поэтому, я кратко сообщила:

– Нужна твоя помощь. Загляни в прачечную. Там на полу лежит мужчина. Сходи к вахтёру и сообщи то, что якобы ты проходил мимо лестницы в подвал – прачечную, услышал

стоны и спустился посмотреть. Затем ты увидел картину, которую сейчас увидишь. О том, что был у нас и что слышал здесь – никому ни слова! Встретимся завтра в парке. Там и поговорим и я тебе всё объясню. Тебе надо спешить. Тому, кто в прачечной, необходимо оказать медицинскую помощь. Иди. И..., натяни на него штаны.

Олег недоуменно переводил взгляд с меня на Нину. Уже открыл, было рот что-то спросить, но увидел моё выражение лица и быстро выскочил из комнаты. Тем временем, Нина поставила чайник и безапелляционным тоном постановила:

– Тебе нужно выпить горячего чая. Ты вся дрожишь. Да, сними уже эту мокрую тряпку с себя!

Накрыла на стол и искоса поглядывала на то, как я натягиваю спортивный костюм.

– Хорошо, что я заглянула в прачечную. Тебя долго не было. Зоя уехала к родственникам. Проводив её, пошла за тобой. А там ты, распластанная на лавках с голыми сиськами! Возле ног мужик со спущенными штанами! Чума-картина! Меня чуть инфаркт не крякнул!

Я переделалась и немного согрелась. Руки дрожали. Страх за себя, сковывающий холодными цепями, стал уступать страху за последствия инцидента в прачечной. Что, если я убила его? Шишка от удара о скамейку начала ныть.

– Нин, я не знаю, что дальше делать! Надеюсь, этот подлец выживет. Иначе, мне – конец!

Знакомая обстановка и запертая дверь вселяли чувство безопасности. Тело расслабилось, напряжение стало спадать, стала чувствовать себя сдувшимся шариком и заплакала. Слезы капали в чашку с чаем, заботливо поставленной передо мной подругой. Тихий стук в дверь заставил замереть обеих. Услышав голос Олега, кинулась в коридор. Выглядел он, как всегда невозмутимым. Оставалась надежда на то, что Эрнесто жив. Увидев немой вопрос на моём лице, он улыбнулся.

– Да, жив твой неудачник – насильник! Когда я заглянул к нему, он уже пытался встать. Кричал что-то. Уверен в том, что тебя клял всеми кубинскими матерями! Жуткое желание возникло самому добить его...

Не выдержав, перебила его рассказ:

– Рана глубокая на затылке? Вахтёр врача не вызывал? Он ночью копыта не откинёт?

Олег рассмеялся от души и успокоил:

– Огрела ты его хорошенько! Любо-дорого посмотреть! На будущее уроком будет. Рана не глубокая. Видимо краем ковшика рассекла кожу головы и задела кровеносный сосуд. Кости целы, но крови много.

– Надеюсь, как убедился, что будет жить, ты эту сволочь на полу и оставил? – встряла Нина.

– Я на помощь позвал Сан Саныча, сегодня он на вахте сидит. Вдвоём оттащили его на второй этаж, в его комнату. Саныч повязку наложил на голову «убитого». Придёт в себя утром, зашьют. Там ещё трое его земляков. Живут они вчетвером в одной комнате. Беспорядок жуткий. Друзья его, где упали, там и спят. На столе пустые бутылки из-под сухого вина. В комнате стоит тошнотворный сладковатый запах жженой веревки.

– Они что, там перепились, ироды, и веревки жгли? – отхлебнув чай, спросила Нина.

– Марихуана. Накурились они. Мне знаком этот запах. После возвращения брата со службы в Афганистане я несколько раз слышал такой запах у него в комнате. Тогда, после моих расспросов брат признался, что изредка они баловались травкой. Ты не заметила у кубинца странно расширенных зрачков? – обратился Олег ко мне.

– У него было всё странно расширено: и зрачки, и ноздри, и... – не смогла я сдержать злость, – давай не будем меня возвращать к этим моментам!

– Прости. Если начнутся разбирательства, ты должна будешь это подтвердить. Опиши подробно, как он выглядел. Сан Саныча я уже подготовил. Еще и Виктора, моего соседа, попросил заглянуть со мной в их комнату. Парни курили травку и запивали вином. Эрнесто крышу

сорвало напрочь. Он сам по уши в дерьме. Не думаю, что к тебе будут претензии, несмотря на то, что он студент братской республики Кубы.

– Вот же скотина! Если он учится в нашей стране, в нашем институте, то, что, можно иметь наших девок насильно? – не унималась Нина.

Я немного успокоилась и подумала, как хорошо, что рядом есть такой парень

– Спасибо, Олег, за помощь. Если бы не ты и Нина, то даже не знаю, как бы я пережила эту ночь. Надо постараться поспать хоть немного.

– Да. Давайте расходиться. Ты, Ева, завтра никуда не ходи дальше своего этажа. Кубинцы – друзья Эрнесто, вероятно, захотят тебе отомстить. Мне тут Сан Саныч между делом рассказал о них немного. Хорошего ждать не приходится. Утром погуляем в парке. Подумаем, как дальше быть. Думаю, учёба для тебя в этом институте закончилась. В тот момент, когда ковш треснул по голове нашего «смуглого друга», – Олег улыбнулся и вышел, пожелав спокойной ночи и напомним запереть дверь.

Ночь прошла в тревожном сне. В фильме ночи всплывали кошмарные события прошедшего вечера. В одиннадцать дня за мной зашел Олег, и мы отправились на прогулку. Разговаривать не было сил. Поэтому, я ограничилась расспросами об утренних новостях. О том, что слышно о прошедшем событии в институте. Олег заверил, что слухов никаких нет и, скорее всего, не будет. Никому не выгодно в этом копать. Затем спросил:

– Что собираешься делать?

Я сама не знала ответа на этот вопрос, но понимала, что нужно принимать решение.

– Уеду я. Жить взаперти не смогу. Постоянно бояться тоже. Переводиться и учиться в другом институте, у меня нет сил. Заберу документы. На следующий год поступлю куда-нибудь.

– Дай мне знать, где ты будешь после отъезда. Буду приезжать к тебе, – Олег остановился и посмотрел мне в глаза.

– Ничего не получится, Олег. Поверь, ты – прекрасный человек, красивый парень. За тобой бегает многие девушки из волейбольной команды. Кажется, Нина тоже не ровно дышит к тебе. Я люблю другого человека. Он эгоистичен, себялюбив, но я постоянно думаю о нём. Знаю, что это ненадолго, даже если вновь сойдемся после ссоры. Он мне нужен. Сама не понимаю, почему так происходит.

Парень замолчал. Мы прошли по шуршащему ковру из сухих осенних листьев. Возле памятника неизвестному солдату я решила попрощаться и уйти. Тяжелое молчание угнетало. Олег перед моим уходом спросил:

– А можно тебя на прощание поцеловать?

Не дожидаясь ответа, он склонился и нежно поцеловал в губы. В его поцелуе была трогательная правда о том, что я дорога ему, нужна ему и если останусь с ним, он будет заботиться, опекать и любить. Как же я хотела, чтобы на его месте был Гриша!

Не оборачиваясь, я направилась к главному корпусу, забрать документы. Скоро будет поставлена точка на образовании в этом институте. И снова в будущем встанет вопрос выбора профессии. Но, это будет после...

Глава 3

Смотрюсь в тех, кто рядом.

Они – мои зеркала.

Гостей на день рождения Валеры собралось не много. Были приглашены только близкие друзья. Вечеринку решили устроить в загородном доме. Стол накрыла в оранжерее. Сквозь мои разросшиеся любимые комнатные растения, через стеклянные стены, снаружи проглядывали сугробы снега. Мне нравилось это ощущение размытости границ контраста: на улице холодная пустынная зима, а в оранжерее раскидистые кусты цветов, зелени в больших горшках и камин с весело потрескивающими поленьями.

– Лиза, наши все здесь. Кто-то еще придёт?

Жанна, с набитым ртом смотрела на меня и ждала ответа. Постоянно сидящая на диетах, моя подруга, обещала сегодня пуститься во все тяжкие за столом. Видимо, она уже начала своё грехопадение с салата. С идеальной фигурой замолить кратковременные уступки своим принципам не представляло для неё никаких проблем. Всего лишь требовался постпраздничный один день голодания.

– Жанночка, какая же ты забавная в роли хомячка! – не сдержалась я от смеха. – Нет, никого со стороны не приглашали. Народ, садимся все за стол! – крикнула команде мужчин, пришвартовавшихся у камина и увлеченно беседующих о рыбалке.

За столом собрались те, с кем мы были вместе в течение всей предыдущей жизни. Жанна с мужем, Михаилом Викторовичем, приехали из Восточной Сибири. На прежнем месте проживания нашей семьи мы тесно общались, а я работала в одной организации с Жанной и Мишей. Вместе выезжали отдыхать на море, справляли семейные праздники в ресторанах и путешествовали.

– Что, можно уже говорить тосты? Пока ехал, за тысячи километров столько всего на ум пришло, что сил нет молчать, – Михаил Викторович встал и поднял бокал с шампанским. Но, Жанна, резко вскочив, его перебила:

– Миш, а где подарок наш? Ты его в машине оставил?

– Вот это да! А ведь точно, я без подарка вошел в дом. Минуточку, без меня не пейте, я сейчас, – оратор быстро вышел из-за стола и скрылся за дверью.

– Видать, что-то тяжелое, коль Викторович сразу в дом не занёс. Неужели, статуя? Ох, Валера, чую, сейчас твою копию в камне притащит! – раздался весёлый смех Лены.

Лена с мужем сидели слева от меня. Они оба работали в нефтяной отрасли, но в разных компаниях. С ними мы сдружились ещё в молодости. С тех пор уже двадцать четыре года прошло. Но, время было не властно над этой четой. Красавица Елена и импозантный Стас всё ещё привлекали восхищенные взгляды мужчин, и, завистливый шёпот дам в не столь близких кругах общения.

– А, что, статуя Валерки не плохо бы смотрелась в этой оранжерее. Высокий лоб, прямой нос и классические усы достойны запечатления для отпрысков, – подытожил с улыбкой предположения жены Стас.

– Еще варианты? Кто отгадает? Жанна, не подсказывай. Кто выиграет, тому – серебряный медальон – предложила Ирина, сидящая напротив нас с Валерой. – Именинник, предлагай!

Ирина Орлова состояла в браке с Геннадием Федоровичем. Глава семейства, был старше меня на семь лет и являлся для меня другом, советником в наиболее сложных жизненных вопросах. По профессии врач – психиатр, он работал в частной клинике. Был способен не только разбираться в тонкостях человеческой психики, но и в любой момент протянуть руку помощи. Познакомился с ним мой муж очень давно. И за пятнадцать лет общения с ним и его

женой, Ириной, они для меня стали так близки, что создавалось ощущение знакомства с ними чуть ли не с детства. Редко можно было встретить человека с таким сочетанием ума, тактичности, порядочности, доброты и чуткости, каким обладал Гена.

– Да, вы что, ребята? Мишка скорее кованые ворота привезёт, чем статую. О его практичности легенды можно слагать, – изрёк мой муж. – Жанна, я прав?

– Не отгадал, Валер. Ещё предположения есть? – Жанна перевернула пустую тарелку для первых блюд, ударила по дну ложкой, имитируя аукционные торги за правильный ответ.

– Он тебе, Валера, сейчас комплект зимних шин притащит как главный механик завода. Во-о-от таких! – и широко раскинув руки, Ксения с хохотом, описала дугу перед собой.

С Ксенией когда-то мы жили недалеко друг от друга и водили вместе старших дочерей в один класс. Девочки подружились, а вслед за ними и мы, их мамы, стали вместе время проводить. Ксения обладала удивительными качествами. Сильный характер дополнялся яркой внешностью и весёлым нравом. Бывали моменты, когда я с уважением смотрела на неё в разных жизненных ситуациях и думала: «Судьба ей предоставила неиссякаемый источник энтузиазма и стойкости».

Супруг её, Павел, был человеком серьёзным. Управлял филиалом одного из крупнейших банков и имел свою точку зрения на любой вопрос. Правильные жизненные принципы обеспечивали ему уважение окружающих.

– Это ты колёса на КраЗы показала, Ксюш, – без тени юмора вставил Павел. – Я думаю, что подарок – картина. Викторович ещё увлекается живописью, Жанна? У него замечательно это получалось когда-то. Он, кажется, несколько картин продал за приличную сумму?

Резкий удар ложкой по дну тарелки рассёк её пополам. Жанна завопила:

– Пашка, ты – гений! Медальон – твой! Конечно, картина! Он Валере на день рождения полгода писал полотно. Я его из мастерской не могла вытащить даже на прогулки.

– Ну, что ты все секреты раскрываешь? – вернувшись на ходу кинул супруге упрёк, запыхавшийся Миша.

В руках у него, действительно, была картина в обёрточной бумаге. Все с нетерпением ждали созерцания плода трудов художника.

Ксения с Жанной помогли снять бумагу с подарка. Викторович приподнял полотно, все затихли.

На картине были изображены молодые мужчина и женщина. Они стояли на рассеченном пополам гребне высокой волны, с протянутыми друг к другу руками. Морской ветер развивал длинные волосы женщины и спереди обтягивал стройную фигуру белым лёгким платьем. В одной руке она держала маленькое зелёное деревце. В другой – огонь, языки пламени обвивали тонкое запястье. Мужчина одной рукой держал меч. Сквозь пальцы второй руки с ладони струился песок.

Мой голос рассёк задумчивую тишину:

– Это – жизнь, Миш?

Все обернулись в мою сторону, затем посмотрели на картину. А Жанна ответила:

– Помнишь, Лиза, в одну из поездок на море ты рассказывала о пяти стихиях: вода, огонь, дерево, земля и металл. Они на этой картине. Каждая стихия имеет свою полярность: Инь и Ян. Это – мужчина и женщина. Две полярности дополняют друг друга. А ещё они являются началом. Ещё: женщина-хранительница очага и возвращает всё живое. Мужчина – защитник. Металл и земля у него в руках. Сквозь пальцы бежит время. Мы хотим подарить Валере твоё видение жизни в исполнении Миши. Он часто вспоминал наши поездки, и мы решили вам оставить память о них.

– Необычно. Красиво. – Валера подошел и обнял друга. Затем обнял и поцеловал Жанну. – Спасибо.

Я подошла, забрала картину и долго смотрела на неё. Присмотрев место на полке возле камина, поставила на самое видное место. Гости стали предлагать тосты за здоровье именинника и за талант художника. Валера предложил за свою половину, то есть за меня. Решили выпить за нашу семью и за таких прекрасных друзей. Все с криком: «Ура!» осушили бокалы.

Оживление за столом поддерживалось новыми тостами. Дарили подарки. Танцевали. Играли в веселые игры. Периодически я поглядывала на картину. В какой-то момент мне показалось, что я ушла в неё. Перестала замечать всё вокруг и забылась. Встрепенулась от голоса Валеры. Он тряс меня за руку и предлагал лечь спать. Было уже далеко за полночь. Все уже разбрелись по комнатам, где им заблаговременно приготовила постели. Убирать со стола не было сил. Я тоже пошла спать. С утра, до пробуждения гостей, нужно было посидеть с материалами от Бульбуды и предоставить данные анализа будущего партнера фирмы.

На следующий день, рано утром, закинула всю посуду в машинку, накрыла стол для завтрака в гостиной и отправилась в оранжерею. Необходима была атмосфера покоя, тишины и внутренней сосредоточенности. Посидев на диванчике минут десять и всматриваясь в фото незнакомого мужчины, поняла, что состояние не обычное и сосредоточиться не получается. Решила заняться комплексом упражнений ци-гун. Упражнения давались с трудом. Позвоночник, с множеством поврежденных участков от сидячего образа жизни, постанывал и в виде коротких щелчков предьявлял претензии к нагрузкам. Пришлось с ним согласиться. Прекратив занятия, направилась принимать теплую ванну. Через двадцать минут уже сидела в оранжерее в позе лотоса и медитировала.

Мне нравились сеансы медитации. Опустошение разума, создание тишины в голове без единой мысли удавалось на минут тридцать пять. Хороший результат, которого я достигла в ходе многолетней практики. После таких сеансов улучшалась память, исчезали мелкие страхи, и появлялась способность глубже проникать в смысл увиденного или услышанного. Из шести лет занятий своим развитием последние два с лишним года ознаменовались открытием индивидуальных способностей. Из-за них практически и изменилась моя профессиональная деятельность. Я пересела снова на диванчик и взяла в руки фотографию для анализа.

С фотографии смотрел мужчина лет тридцати пяти. Светло-карие глубоко посаженные глаза широко открыты. Смотрели спокойно. Предположительно, обладатель таких глаз подчинялся рассудку, чем чувствам. Сильная личность. Ресницы длиннее среднего. В сочетании с формой глаз выдавали скрытую чувствительную натуру, способную на сердечность. Прослеживалась богатая внутренняя жизнь. Передо мной лежало фото аналитика с чертами недоверия к окружающим. Длинный нос с полным луковичеобразным кончиком свидетельствовал о яркой индивидуальности. Большой рот со спадающими уголками губ сигнализировал о сильной воле, невозможности оказания влияния на его владельца. По обеим сторонам рта спускались лицевые морщины. Это признак нелёгкой жизни в прошлом. Симметричные губы, без выпячивания верхней или нижней, выдавали человека, лишённого приступов эгоизма или нерешительности. Верхняя зона ушей располагалась на уровне бровей. Интеллект выше среднего. Продолговатая форма лица внушала чувство уравновешенности, рассудительности, устремленности к цели.

Отправив сообщение шефу, я перевернула фотографию и увидела надпись Наташи: «Осколкин Никита Петрович, 37 лет».

– Ну, что ж, Никита Петрович, добро пожаловать на мой внутренний сканер. Перейдём с поверхностного осмотра Вашего лица к более тщательному изучению, – предложила я вслух мнимому собеседнику.

Изучив до последней морщинки лицо Никиты и запомнив его, спустилась на коврик на полу и снова вернулась в позу лотоса. Закрыла глаза, поместила зрительный образ на уровне переносицы на расстоянии чуть дальше кончика носа. Постепенно тело начало раскачиваться

вперёд-назад. Затем из стороны в сторону. Диапазон раскачки расширялся. Запечатленный образ стал размываться и сменился картиной зелёного холма.

«Рассекая траву, мальчик лет шести бежал за черно-белой вислоухой собакой и кричал:
– Альма! Альма!

У подножия холма виднелась узкая извилистая лента дороги.

– Альма! Ко мне! Фу! Нельзя! Там дорога!

Споткнувшись обо что-то в траве, ребёнок упал. Прокатился вниз по траве на боку, перевернулся и затих. Встал, схватившись за ушибленное плечо, снова побежал. Грохот проезжавшей грузовой машины и короткий громкий визг собаки его остановили. Ветер теребил лоскут порванной рубашки, ерошил волосы. Мальчик ничего не замечал. Замер, уставившись стеклянными глазами на машину внизу. Раздался вопль:

– Альма! Ко мне!

Добежав до дороги, увидел высокого мужчину в клетчатой рубашке и кепке с пушистым черно-белым комком в руках. Растерянно поглядывая на мальчика, водитель вынес безжизненное тело Альмы на обочину. Мальчик кинулся к собаке. Пытаясь приподнять, обхватил ручонками шею:

– Вставай, Альма! Побежали домой! Ты меня слышишь? Ты – слепая, но не глухая! Ты должна меня слышать!

Увидев под головой собаки кровавое пятно, громко зарыдал. Сквозь слёзы спросил:

– Дяденька, она же не умерла, да? Она же меня слышит?

Водитель неуклюже мял кепку в руках и не знал что сказать. Затем, посмотрел на свой грузовик и предложил:

– Садись, сынок, подвезу. Где ты живёшь? А собаку я положу в кузов.

Отстегнул борт кузова, бережно положил тело Альмы. Маленький хозяин собаки попытался забраться к своей подопечной. Мужчина обнял его и понёс в кабину».

Раскачивания моего тела прекратились. Я сидела неподвижно. Картина резко изменилась.

«Никите лет двенадцать. Зажав, между ног маленького черного пухлого щенка, он, согнувшись, вытянул руки перед пушистым питомцем. По рукам со свистом стегал ремень. Женщина с одутловатым лицом и покрасневшим носом, изрыгая проклятья, высоко взмахивала ремнём, и раз за разом пыталась полоснуть по щенку. Сквозь мольбы подростка: «Ммм-мама, нннне нннадо! Он ещё мммммаленький!» пронеслась мысль: «Он заикается. Вероятно после потери первого любимца».

На следующем фрагменте Никите лет четырнадцать. «Рослый, на вид неуклюжий мальчишка, вместе с отцом мастерил собачью конуру. Рядом, виляя хвостом, бегала взрослая черная дворняжка».

Я открыла глаза. Вслух сама у себя спросила:

– Странно, все фрагменты из жизни связаны с собаками и как теперь данную информацию преподнести Владимиру Михайловичу?

Предстоящее прослушивание аудиозаписи уже не казалось таким легким, как обычно, из-за обнаруженного в видениях заикания Никиты.

В ноутбуке, после текста с выводами по его физиогномике набрала: «Любит собак. Сильная эмоциональная привязка. Возможна психологическая травма в детстве, после потери первого питомца. Заикается. Мать в прошлом – алкоголичка. Отношения с ней сложные. Вероятнее всего, что её нет в живых. Воспитанием занимался отец».

Достав запись разговора Никиты с шефом, надела наушники. Изумление после первых фраз абонента росло по мере продолжения разговора. Ни намёка на заикание. Голос уверенный и спокойный. Изменение тональности соответствовало смысловой передаче слов и этикету общения по телефону. О том, что я могла ошибиться в своих видениях, и речи быть не могло.

Из практики я знала, что всё анализируемое имело место быть с абсолютной точностью. Остаётся одно: Никита в какое-то время излечился от своей болезни. Какое же трудолюбие, настойчивость и силу характера надо иметь при данных обстоятельствах!

По тексту анализа добавила: «Прослушана аудиозапись разговора. На слуховое восприятие – полное излечение от заикания. Большой потенциал для решения сложных задач с длительным сроком исполнения. Целеустремлённость. Трудолюбие. Настойчивость».

Запись прослушивала вновь и вновь. К возникшему заочному уважению к мальчику из своих видений прибавилась симпатия к голосу в наушниках. Сформировав послание генеральному директору, решила не отправлять вторую часть характеристики. До вечера необходимо было выкроить время и снова погрузиться в видения. Нужна характеристика общения с окружающими людьми в более зрелом возрасте.

Взгляд упал на полку с подаренной картиной Михаила Викторовича. Какое-то время просидела, погрузившись в свои мысли. Очнувшись от звука посуды в гостиной и вспомнила о выпечке на завтрак. Между уборкой в оранжеере и закидыванием посуды в машинку, я ещё успела приготовить тесто для кекса и заложить в мультиварку. В дверях оранжеереи появилась Ксения в моём голубом халате.

– Лиз, ты еще не ложишься или уже встала? Как самочувствие? – спросила она, зевнув.

– Я рано встаю, когда на выходные задают домашнее задание, – улыбнулась я, и резко вскочив, направилась на кухню, роняя на ходу. – Ты спросила о самочувствии, что так плохо выгляжу? Через минуту вернусь, подожди.

– Ага, вот и хозяйка! Лиза, чем это так вкусно пахнет? – Стас, натягивая на ходу рубашку, встретил в дверях кухни. – Хочу то ароматное, что меня разбудило!

– В гостиной накрыла стол. Позови Ксюшу, и садитесь завтракать. Я сварю кофе. Пока остальные спят, посидим в узком кругу, «посплетничаем», – предложила в ответ.

Когда я зашла в гостиную с готовым кофе и кексом, наша компания разрослась. В гостиной были все, кроме мужа и Орлова.

– Ребята, а где мой именинник и Геннадий Федорович? Кто-нибудь видел их?

– Они в кабинете, – отозвалась Лена и, обратившись к Стасу, добавила: – Доброе утро, Зайчик!

Бежать на второй этаж, за пропавшими, не хотелось. Позвонив мужу по сотовому телефону, услышала обрывок разговора:

– Гена, мне нужна полная информация...

Затем голос ответил мне:

– Да, Лиза, мы уже спускаемся к вам.

Компания в полном составе, дружно осыпая комплиментами мою стряпню, вспоминала вчерашний вечер.

– К концу застолья «выпала из обоймы». Вы хоть скажите: довольны проведенным вечером? – спросила я, ни к кому персонально не обращаясь.

Валера перебил моё любопытство и резко предложил:

– Ребята, оставайтесь все на шашлыки. Во дворе мангал стоит. Затопим баньку. После пара поныряем в сугроб. Красота!

– Спасибо, друг, за предложение, но всем, кроме Жанны с Мишей, завтра на работу. Поедем мы. Дети хоть и взрослые, дома остались, а родительский контроль никто не отменял – изрёк Павел.

– Мы тоже тронемся в путь. Съездим провести родственников. На обратном пути опять заедем к вам. Холода обещают через три дня. В дорогу, в минус тридцать, нет желания выезжать, – сообщил Михаил Викторович.

– Вы все нас одновременно покидаете? – удивилась я.

– Получается так. Через час уедем, – добавил Павел.

Искренне возмущаясь, я вернулась на кухню за гостинцами детям друзей.

Через час в доме стало тихо и пусто. Убрав со стола, вернулась в оранжерею. Посидела на диванчике. На улице шёл мелкий снег. Хмурое зимнее небо свисало с крыши летнего домика напротив. Клонило ко сну. Достав плед и подушку из шкафчика, я удобно пристроилась на диване. Водоворот мыслей о друзьях, о Никите из моих видений прервал телефон. Поступило письмо от шефа: «Лиза, объясни второе сообщение. Что за пёс? Как это понимать?». Со словами удивления вслух:

– Какое ещё второе сообщение? Отправляла же только одно с утра! – заглянула в электронный почтовый ящик.

Действительно, два сообщения. Открыла второе и с недоумением уставилась на текст: *«У попа была собака, он её любил. Она съела кусок мяса – он её прибил».*

Мысли роились в голове, перелетая одна через другую: «Когда я могла отправить еще одно письмо? Не собиралась его отправлять без результатов планируемого повторного сеанса погружения в видения. Тогда, выходит, что кто-то это сделал? Зачем? Что за детские шутки? Кому было нужно?»

Друзья все знали, что к работе я отношусь очень серьезно. Вторжение кого-то из них в мою переписку с руководителем никак в голове не укладывалось.

Сообразив, что нужно быстро объяснить Бульбуде появление глупого послания, написала первое, что пришло в голову: «Владимир Михайлович, в гостях дети. Переписку в кабинете оставила открытой. Видимо, и до неё добрались. Простите. Анализ еще не готов, пришлю к вечеру в кратком объёме. Всё остальное передам на словах рано утром».

Перебрав в памяти всех, кто мог иметь доступ к ноутбуку, пришла к выводу: все, кроме Геннадия Петровича. Он с утра находился на втором этаже вместе с Валерой, а затем до отъезда – вместе со всеми. Мужа сразу исключила. За многие прожитые годы с ним, установились определенные привычки. В том числе, не вмешиваться в работу друг друга и не влезать в личные переписки. А привычки по жизни не меняются.

В любом случае, звонить и спрашивать друзей по этому поводу не собиралась. Намёк на такую глупую шалость мог обидеть любого из них. С получаса мысленно перебирала возможные варианты обстоятельств, при которых могло появиться это послание шефу. Затем, решила всё оставить в прошлом и заняться дальнейшим анализом человека с фотографии.

На этот раз, медитация была не долгой. В пустоте разума создала изображение Никиты и «включила» режим ожидания. Вскоре, появилась первая картина действий.

«В гостиной, за круглым белым столом с резными ножками находились двое. Один из них Никита. Напротив сидела женщина. Красивая брюнетка. Голос бархатный и взволнованный:

– Никит, я не стану мешать твоему общению с детьми. Ты будешь иметь возможность видеться с ними тогда, когда захочешь. Они тебя любят. В родительской квартире, подаренной мне, достаточно места для их игр. У каждого из них будет своя комната. Если буду задерживаться на работе, мама присмотрит за ними. С ними всё будет в порядке. И со мной тоже. Поверь, я не могу иначе. Наши отношения зашли в тупик. Рядом с тобой живу не я. Живёт моё одиночество. Нет ничего тяжелее, чем быть одинокой рядом с близким и любимым человеком.

– Не надо, Вика. Не утруждай себя и не обманывай меня высокими понятиями отношений. Если бы любила, то не собиралась бы уходить. Скорее всего, у тебя другой мужчина.

– Это не так. Ты давно перестал меня слышать и видеть. Больше не могу с тобой жить.

Голос Никиты звучал спокойно и устало:

– Мы много раз обсуждали наши проблемы с тобой. Я устал. Действительно, будет лучше пожить врозь. Детей буду часто навещать. Моё участие в их воспитании и содержании не прекратится и после развода. Если решишься на такой шаг, то не буду против».

Просмотрев еще два эпизода из жизни анализируемого, села за сообщение Бульбуде: «Из просмотра личных отношений: спокоен в критических ситуациях (предстоящий развод).

Самоконтроль на высоком уровне. Ответственен за свои решения. Из просмотра служебных отношений: уверенность в своих решениях и поступках. Отсутствие критической оценки действий после допущенных ошибок. Вызывает уважение подчиненных профессионализмом. Периодически жёстко доминирует над ними».

За окном всё еще шел снег. Надо было оставить ключи соседке, чтобы присматривала за домом. В наше отсутствие за умеренную плату хозяйство вела она. Пора собираться ехать к детям в городскую квартиру. И завтра с утра на работу.

Собрав все подарки, и прихватив оставшиеся продукты, я навела порядок в комнатах. Снегопад прекратился, когда мы выехали. Подарок Михаила Викторовича, картину, решила оставить в загородном доме. Она хорошо смотрелась на полке возле камина.

Выходные прошли удачно. Как хорошо, что у нас такие замечательные семейные друзья! Прожитая часть жизни рядом с такими людьми и общение с ними в настоящем доставляли всё большее удовольствие с каждым годом. Я ценила жизнь такой, какая она есть. Её каждый миг и каждое событие.

Учебу в начальных классах я завершила с пятью четвёрками за год. Лето провела в деревне у бабушки. Днями напролёт пропадала у речки. Купались с подружками с небольшими перерывами на обед и ужин. Вернувшись домой после полуторамесячного отсутствия, я с удовольствием отметила, что выросла на целых шесть сантиметров. Вопрос роста для меня был очень болезненный. В мае, в конце третьего класса, хотела записаться в спортивную секцию по баскетболу. Мою подругу с четырёх лет, она же – соседка Марина, взяли в секцию с первого визита к будущему тренеру. Занятия должны были начаться с четвертого класса. Меня же, худенького низкорослого кузнечика, тренер отослал обратно, подрасти за лето. Сказал, что роста недостаточно. Проглотив обиду, возмущаясь всю дорогу домой, я своей, более везучей подружке, предложила:

– Спорим, что после лета я вырасту на восемь сантиметров? В начале четвертого класса тренер меня возьмет в свою секцию.

– Давай! А на что? – подхватила Маринка.

– А давай на пачку жвачек немецких. Там их десять штук.

– Согласна.

И мы ударили по рукам. О том, что вырасти за лето на восемь сантиметров не реально, даже не задумывалась.

С тех пор прошло два месяца. Я уже была на шесть сантиметров выше. И на речке целыми днями купалась неспроста. А всё потому, что слышала, как мама говорила, что плавание укрепляет мышцы и удлиняет тело. Только вот, плавать пришлось учиться не совсем обычным способом. Долго понаблюдав за моим страхом перед речкой, деревенские мальчишки неожиданно сбросили с обрыва в воду. Тонуть в планах не было. Пришлось бултыхаться, работать ногами и руками, как учили подружки. Не знаю, сколько я судорожно дёргала своими конечностями-тростинками в воде, неожиданно, сквозь панику, обнаружила, что плыву. До берега речки оставалось чуть-чуть. Преодолев эту дистанцию и выйдя на берег, отдышалась, а затем, соорудила гримасу и показала кулак мальчишкам наверху. В душе я на них не злилась. Даже, наоборот, была благодарна за обучение. Но то, что заставили окунуться в свой страх так неожиданно, оставило неизгладимое впечатление.

До конца каникул оставался месяц, чуть больше. Я вернулась домой от бабушки, папиной матери. Необходимо было еще добрать в росте два сантиметра. После моих постоянных приставаний к Катюне с расспросами как это сделать, мне соорудили перекладину во дворе из куска трубы. Там я могла висеть столько, сколько выдерживали мои худые ручки, соломинки. Теперь

утро начиналось с моего подвешивания своей тушки на перекладине. Перекладиной же заканчивался каждый вечер. Кроме этой одержимости была и вторая: я взахлёб начала читать книги. Среди них были сказки, легенды Древней Греции, приключенческая литература и детективы. В доме стояли полные книжные шкафы благодаря любви к чтению Котёнка. Именно она и привила мне интерес к книгам.

Одним ранним утром, как обычно, прибежала Маринка, позвала на улицу. Состроив загадочное лицо, сообщила:

– Мальчишки наши сейчас пойдут горох воровать на поле. Утром смотрителя не будет.

Быстро представила, как ребята наши полакомятся сочным зеленым горохом. Нам же с Маринкой, останется наблюдать за этим процессом и глотать слюни.

– А нас с собой не берут? – спросила я.

– Они сказали, что не девчачье это занятие. Мы будем обузой, если придется драпать от смотрителя.

– Ну, уж нет! Мы пойдем с ними. Одевай, Маринка, мои брючки и кеды. Пошли.

Одевшись в спортивную одежду, с сумками наперевес, мы вышли к ребятам и объявили о нашем решении идти с ними.

– Там смелость нужна. Быстро бегать уметь в случае чего. Вы – то куда лезете! Страшно станет, реветь начнёте. А убегать как будете. Вот так? – смешно кривляясь, один из наших веснушчатых друзей, Санька, пробежался перед толпой мальчишек и все весело засмеялись.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.